

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 11-го Июля 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10037.

* * *

Ты сорвала цветокъ и вдругъ
Мнѣ бросила въ окно...
Благодарю тебя, мой другъ;
Но мнѣ... мнѣ все равно
Была ль то шалость или нѣтъ—
Не радъ, и не сержусь
И если встрѣчусь, то въ отвѣтъ
Печально улыбнусь.
Мнѣ только грустно оттого,
Что, при сіяніи дня,
Здѣсь стало вмѣсто одного
Два трупа—онъ и я.
Возьми же, другъ мой, свой цветокъ
И брось его тому,
Въ чьемъ сердцѣ жизни бѣть
потокъ.

А я... я не пойму.

О. М.

Дж. Скіапарелли.

Недавно скончавшійся итальянскій
астрономъ.

МИМОЗА,

(Carte postale).

Elle jeta la pierre blanche
A l'eau du lac bleu

A. France.

I

Регина тихо вышла изъ гостиной,
оставивъ раскрытый рояль и начатую
было сонату Бетховена.

Спустилась по каменнымъ ступенямъ веранды и углубилась въ аллею,
ни разу не оглянувшись. Бѣлое, строгое платье оттѣняло смоль волосъ и нѣжныйovalъ прекраснаго лица. Походка была легка и грациозна. Регина напоминала принцессу. Ей не доставало только голубоглазаго пажа и длиннаго трэна. Потомъ ея ротъ былъ сжатъ слишкомъ презрительно. Принцессы же обыкновенно улыбаются.

Въ старомъ, молчаливомъ саду дремали забытая бесѣдки. Закатъ позолотилъ стволы деревьевъ. Роза смочила тотчасъ край ея юбки. На поворотахъ дѣвушка подолгу созерцала глупыхъ амуровъ. Почти всѣ они были безрукіе съ пробитыми головками. Ихъ искалѣчили мальчишки. Фонтанъ заглохъ. Бассейнъ развалился. Здѣсь встрѣчали ужей и громадныхъ лягушекъ. По правую сторону валилась ограда. Виднѣлся лугъ.

Регина прибавила шагу. Казалось, она хотѣла затеряться во что-бы то ни стало.

Около озера спугнула какихъ-то крупныхъ, черныхъ птицъ. Медленно, почти не шевеля крыльями, онѣ поднимались вверхъ къ розовато-фиолетовому небу. Трава и широкіе листья еще вздрагивали. На озеро легли оранжевые блики, сизыя тѣни. Кое-гдѣ вода отливала серебромъ. Было тихо. Регина могла слышать удары своего сердца.

Внимательно и задумчиво глядѣла на снѣжные ненофары, облака, де-

Г. Я. Сѣдовъ.

Изслѣдовавшій устья р. Колымы въ 1909
году и теперь назначенный начальникомъ
полярной экспедиціи на Новую Землю.

ревья, скамью, гдѣ она любила читать Musset.

Ея глаза переполнились усталостью и грустью. Теперь она жалѣла, что не сыграла сонаты и оставила общество пана Карла. Тамъ, въ гостиной, по крайней мѣрѣ, ни о чёмъ не думалось.

Мимо прошелъ, неуклюже ковыляя, дряхлый садовникъ и низко поклонился.

Его сгорбленная спина въ синемъ кафтанѣ долго мелькала между кустовъ отцѣтшаго жасмина.

„Мы раззорены,—подумала она равнодушно,—сегодня съ трудомъ приготовили приличный обѣдъ... что же, этого нужно было ожидать“.

Потомъ она снова любовалась закатомъ. Выхала ароматъ травы, щебреца, полевыхъ цветовъ. Только че-

резъ нѣсколько минутъ ей пришла въ голову другая мысль:

„Скоро панъ Карль сдѣлаетъ мнѣ предложеніе... Онъ богатъ, уменъ и старинной фамиліи, но... но меня отвезутъ въ краковскій женскій монастырь. Да. Такъ лучше. И я хочу этого. Я настою на этомъ.“

Съ наивной жестокостью она заботилась только о себѣ. Съ паномъ Карломъ она покончила мысленно еще наканунѣ.

Сѣла, наслаждаясь вечеромъ. Бѣлое платье лежало ровными складками. Оно чуть-чуть порозовѣло отъ заката, какъ снѣгъ на горныхъ вершинахъ.

„Меня шутя называютъ мимозой“,—вспомнила Регина,—„это придумалъ панъ Карль—яувѣрена.

Легкій вѣтерокъ поднялъ зыбь на озерѣ.

II.

Они кончили играть въ шахматы.

Старикъ—управляющій съ довольною улыбкой искалъ табакерку, хозяйка отошла къ окну, а панъ Карль тоскливо глядѣлъ на рояль.

„Мимоза въ саду,—мелькало у него—это самое удобное время для объясненія.

Но ему пришлось еще долго выслушивать жалобы управляющаго на политику Англіи.

Попугай въ клѣткѣ кричалъ нѣсколько разъ:

— Madame, je suis lasse“...

Каминъ и вся гостинная, темная, стиля епріе, нѣсколько оживилась при закатѣ. Усталые, розовато-желтые лучи цѣловали старинные предметы, остатки былой роскоши.

Панъ Карль слѣдилъ за матерью Регины. Она внушала ему нѣчто вродѣ религіознаго обожанія. Тонкая, печальная улыбка напоминала грустную улыбку дочери. Она была все еще прекрасна, несмотря на свои 40 лѣтъ. Ея поношенное фиолетовое платье умиляло и трогало пана Карла. Онъ съ нѣжностью слѣдилъ, какъ крошечная рука ласкала попугая.

Хозяйка, кажется, поняла его мысли. Дружески кивнула головою. Негромко сказала:

— Подите и приведите намъ Регину. Боюсь, наша мимоза простудится у озера.

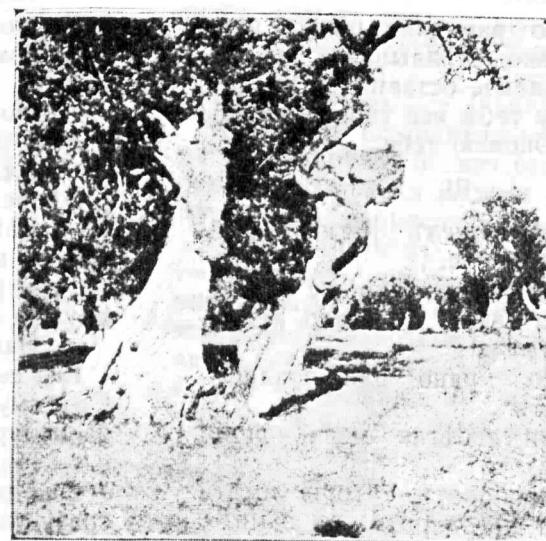
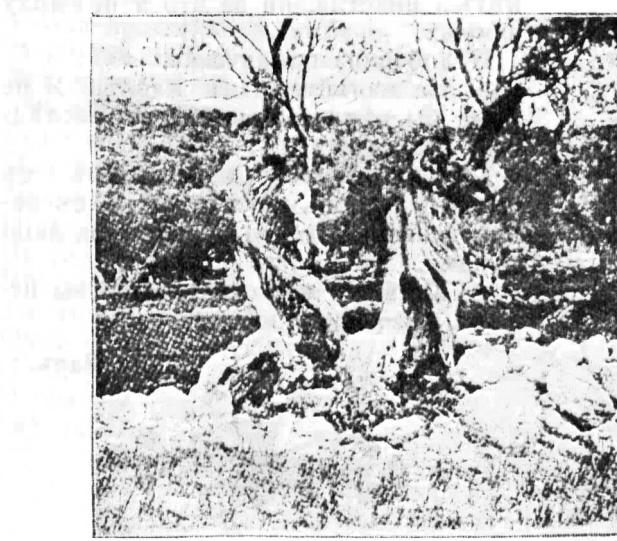
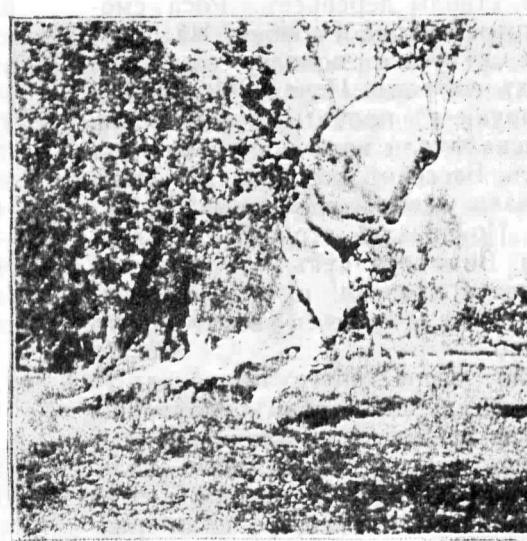
И онъ, тайно взволнованный, повиновался.

Онъ шелъ, искренно любящій и твердо увѣренный въ счастливомъ исходѣ.

Ему пришлось много путешествовать. Онъ зналъ женщинъ обоихъ полушарій. Онъ давно мечталъ о чистотѣ и наивности. Онъ самъ даль Регинѣ нѣжное, трогательное имя—Мимоза. Разница ихъ лѣтъ не пугала его. Искушенный опытомъ, онъ убѣдился, что женщина остается ребенкомъ до смерти. Иногда совѣсть болѣла, напоминала о бурномъ прошломъ. Онъ хотѣлъ искупить его въ бракѣ.

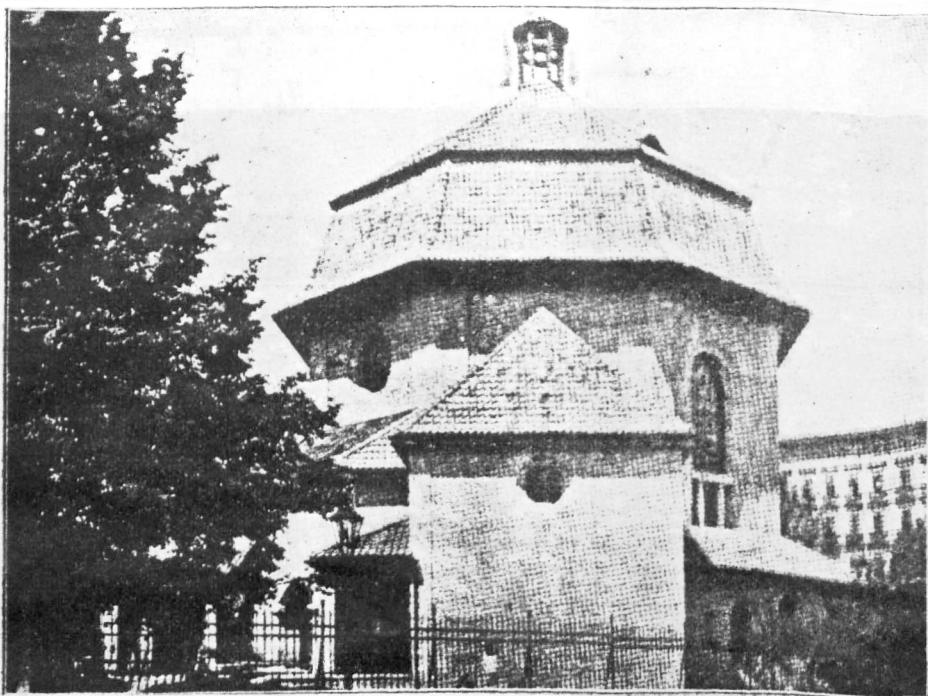
Слушатели учительских курсовъ въ Харьковѣ.

„Очарованный лѣсъ островъ Маоркъ.

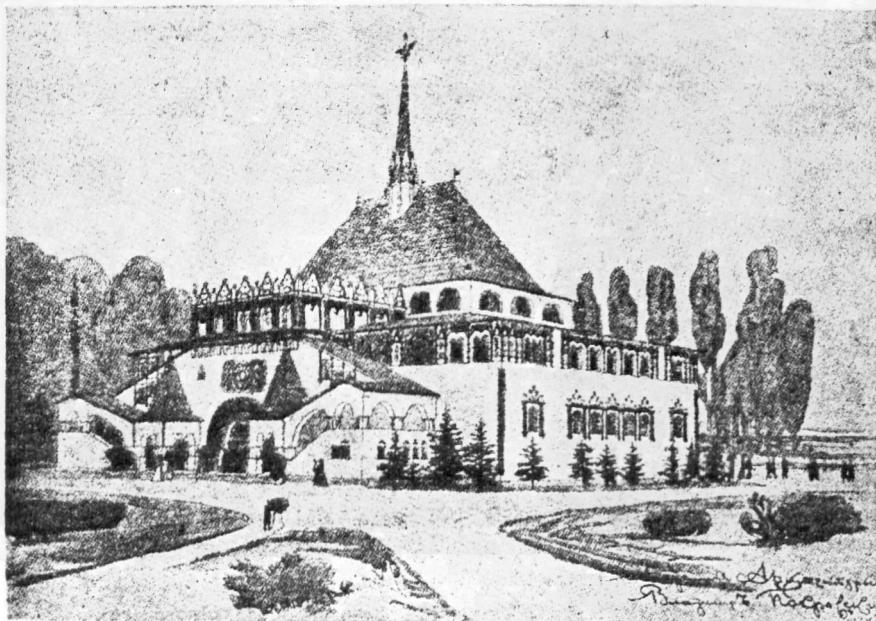

Съ фотографіи французскаго путешественника Эдмона Мерсе.

Урнхранилище для 5000 урнъ.

На берлинскомъ крематории.

Русский павильонъ на предстоящей международной выставкѣ въ Дрезденѣ.

Умышленно замедляя шаги, панъ Карль любовно оглядывался на старый садъ и домъ, оставшійся позади.

— Я верну тебѣ все твое прошлое величіе. Я обновлю тебя.

III.

Панъ Карль нашелъ Регину, дѣйствительно, у озера.

Она дѣлала видъ, что не знаетъ, кто идетъ по аллеѣ. Ей стало немногожутко. Думала:

„Все равно... рано или поздно—нужно кончить“.

— Вы ушли, избѣгая меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, наоборотъ, чтобы имѣть возможность поговорить съ вами,—твердо возразила дѣвушка.

Не могъ прочитать на ея лицѣ—безучастномъ, неподвижномъ, ни одной мысли.

— Можетъ быть, вы догадываетесь, о чемъ я хочу попросить васъ?

— Да... конечно... я догадываюсь.

Бѣлое платье не шевелилось. Она не измѣнила позы и только мѣяла какую-то вѣтку.

Тучи расположились по небу, приняли другую форму. Посвѣжѣло.

— Панна Регина...

Его сводило съ ума это спокойствіе. Онъ смутно предчувствовалъ, что начало дурно. Повторилъ безпомощно:

— Не мучьте же меня... не мучьте...

Она колебалась. Она какъ будто сразу увяла, постарѣла. Горечь и обида таились въ губахъ. Глаза потухли.

Онъ продолжалъ умолять ее, приводя самые убѣдительные доводы. Онъ нашелъ для нея тысячу нѣжныхъ, красивыхъ словъ. Онъ, который всегда смѣялся надъ любовью, говорилъ теперь почти униженно. Онъ рѣшилъ по ея блѣдности, что она сдается. Безъ сомнѣнія, прелюдія была лишь обычной женской уловкой. О, эти актрисы!.. Впрочемъ, Регина чрезвычайно застѣнчива. Она воспитывалась въ монастырѣ. Мысль, что она страдаетъ, переполнила его сердце еще большимъ восторгомъ.

Онъ протянулъ руки.

— Мимоза... моя Мимоза!

— Нѣтъ... Нѣтъ!

Въ крикѣ зазвенѣлъ паническій ужасъ. Она прижалась къ стволу, повторяя со слезами:

— Нѣтъ... Нѣтъ... ни за что... никогда...

Панъ Карль стоялъ уничтоженный, пораженный. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою.

— Хорошо. Успокойтесь. Я еще не оскорбилъ ни одной женщины. Сядьте и поговоримъ серьезно. Вы разбили мою жизнь. Я прощаю вамъ это съ готовностью. Такія вещи понимаютъ позже. Но, можетъ быть, я заслуживаю хотя вашей откровенности?

Она возразила угрюмо, пожимая плечами.

— Если хотите... Тутъ замѣшана мама...

— Ваша мать?

— Да. Я выдаю ее сегодня... Впрочемъ, я не люблю ее.

— Не любите вашей матери?!

Регина холодно объяснила.

— Три года тому назадъ, здѣсь, въ этомъ же самомъ саду, я видѣла... я видѣла ее съ кузеномъ Альфредомъ... Онъ былъ грубъ, отвратителенъ съ нею, она унижалась, вела себя, какъ... Боже мой, я боюсь вѣдь шокировать... Я не смѣла тронуться. Шорохъ, сломавшаяся вѣтка могли заставить ихъ оглянуться. Я стояла и слушала. Я окунулась въ грязь сразу, прямо съ головой. Я не упала въ обморокъ иничѣмъ не выдала себя за ужиномъ, хотя сидѣла противъ него. И мама ничего не знаетъ до сихъ поръ. И Альфредъ не знаетъ. Теперь любовь внушаетъ мнѣ безконечный ужасъ. Я перестала быть наивной и ненавижу всѣхъ мужчинъ. Слышите? Нѣтъ... нѣтъ... никогда, ни за что я не выйду замужъ.

И добавила иронически.

— Не жалѣйте, панъ Карль... Я не была бы вѣрной женой... по наслѣдству.

Тогда этотъ джентльменъ съ головы до ногъ воскликнулъ съ не-передаваемой горечью, закрывая лицо руками.

— Какъ вы жестоки!.. Какъ вы не-лѣпо, безчеловѣчно жестоки!

Анна Маръ.

